

Секция I

КИТАЙ: КУЛЬТУРА, ЯЗЫК, РЕЛИГИЯ, ТРАДИЦИИ

Л. А. Горобец

Уральский Федеральный университет

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Дальневосточный регион – самый большой в Российской Федерации, он занимает 36,4 % ее территории. Развитие двусторонних связей и широкое взаимодействие приграничных областей являются определяющими факторами, обуславливающими его культурную специфику.

Особенность ситуации заключается в том, что предметно-территориальные образования совпадают на Дальнем Востоке с границей высококоразвитых цивилизаций, принадлежащих к двум чрезвычайно сложным культурным системам, сложившимся в различных природно-географических и социально-исторических условиях.

Суровость природно-климатических условий осваиваемых территорий, находящихся в зоне контакта цивилизаций, не только способствует созданию благоприятной атмосферы сотрудничества, но и делает это сотрудничество насущно необходимым. Важным обстоятельством двустороннего взаимодействия является удаленность региона от центров, в которых происходило формирование собственно русской и китайской «материнских культур». В приграничном пространстве наблюдается известная асимметрия между более организованным центром и периферией. Здесь возникают новые черты, диалектика которых заключается в том, что, с одной стороны, пограничная культура имеет ярко выраженный маргинальный характер, с другой – контакт с внешним субъектом играет роль стимулирующего фактора развития и актуализирует механизмы собственной идентичности.

История двусторонних отношений России и Китая сложна и противоречива. Периоды дружбы и взаимопомощи между народами не раз сменялись охлаждением и прямым противостоянием вплоть до вооруженных конфликтов, которые не могли не отразиться на творчестве народов обоих государств.

Важным фактором укрепления культурных связей между Россией и Китаем в последнее десятилетие является большая вовлеченность обывателя в процессы международных отношений, в том числе и в культурной сфере. Контакты между гражданами РФ и КНР происходят повсеместно: на улице, рынке, в повседневной деятельности. Согласно исследованиям, в КНР хотя бы раз побывали 56 % опрошенных респондентов-дальневосточников, каждый третий из них – более трех раз¹. Можно утверждать, что, в отличие от других регионов, в основе представлений жителей Дальнего Востока о Китае лежит личный опыт, а сами двусторонние связи в значительной степени персонафицированы.

Влияние китайского фактора на культурную ситуацию в регионе называется как в повседневности, так и в «высоких» сферах культуры. Длительность контактов отразилась, например, на языковой ситуации Дальнего Востока России. Так, современный исследователь Е. А. Оглезнева отмечает появление ряда специфических для русской речи на Дальнем Востоке черт, обусловленных «китайским влиянием». Среди них: 1. Активизация экзотической для стандарта национального языка лексики в русской речи дальневосточников (например: фанза, ханшин, женьшень и др.). 2. Непосредственные заимствования из китайского языка, появляющиеся в русской речи, минуя стандарты национального языка (куня, фу-юань и др.). 3. Развитие процесса образования собственно русских слов, обозначающих различные атрибуты русско-китайского взаимодействия в регионе на базе заимствованных или исконных элементов (чифанька, киты, помогай и др.). Часто образуются относительные прилагательные от заимствованных китайских слов (манзы – китайцы, имеющие оседлость в пределах Уссурийского края и Приморской области; от него – манзовский, гаолян – гаоляновый и т. п.). Отмечаются случаи семантической деривации, когда у лексической единицы появляется регионально обусловленное значение. Например, слово мадам (вариант – мадама) приобрело значение «русская женщина», «хозяйка». Следствием активных контактов между двумя народами на дальневосточном побережье явля-

¹ Ларина Л. Л., Ларин В. Л. Окружающий мир глазами дальневосточников (по итогам опроса населения, 2008 г.) // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 33–58.

ется особый контактный язык, которым, правда, пользуются преимущественно китайцы в неофициальном общении с русскими – русско-китайский пиджин, основу которого составляет русская лексика, используемая в соответствии с грамматическими и фонетическими стандартами китайского языка². Отмеченные особенности позволяют говорить о существовании дальневосточного региолекта русского языка, который есть результат диалогических связей двух культур.

В процессе взаимодействия складывается образ «другого», который, в свою очередь, определяет этот процесс. Образ Китая и китайцев в сознании дальневосточников продолжает быть амбивалентным. С одной стороны, Китай воспринимается как «чужой», «враждебный», что является наследием конфронтационного опыта. С другой стороны, расширяется пространство восприятия Китая как другого, но подобного, дружеского, что способствует активизации общения и культурного обмена. Наиболее показательно эта тенденция проявляется в сфере художественной деятельности.

Обращаясь к творчеству дальневосточников, обусловленному соседством с Китаем, следует отметить, что в нем доминируют мотивы, связанные со знаменательными для региона историческими событиями. Мастера искусства обращаются к следующим темам: подписание Айгуньского мирного договора; вооруженные конфликты (осада Албазинского острога, военные действия 1900 г. и русско-японская война; опыт освоения Маньчжурии; китайская ветвь русской эмиграции XX в.). Достаточно остро отражены в искусстве тяжелые реалии 1990-х гг. и роль приграничной народной торговли. Здесь можно вспомнить произведения Ю. Ефименко, В. В. Рыльского, Н. Н. Дьяковой, О. К. Маслова, А. Баша и многих других.

Значительно влияние Китая на культуру малых народностей Дальнего Востока, тесно взаимодействовавших с ним задолго до прихода русских в эти края. Так, в 2006 г. Еленой Глебовой в авторской редакции были опубликованы сказки и легенды коренных народов Приамурья, одна из которых – «Живая вода для китайского императора» – повествует о родстве народов Дальнего Востока и Поднебесной империи. Следует отметить и красочные иллюстрации дальневосточного художника Ильи Лиханова, сопровождающие повествование, в которых явно присутству-

² Оглезнева Е. А. О русско-китайском языковом взаимодействии в Приамурье // Амурская область: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2009. С. 160–162.

ют элементы традиционной китайской пейзажной живописи (шан-шу): огромные скалы, нависшие над водой; аркообразный мостик, соединяющий берега; беседка с изогнутыми к небу консолями и две растворенные в окружающей вселенной фигурки людей в лодке.

Давнее и длительное соседство коренных жителей Приамурья с китайцами, на наш взгляд, объясняет наличие у них некоторых общих технических приемов в декоративно-прикладном искусстве. Примером творческого синтеза с использованием элементов и приемов культур коренных народов Дальнего Востока и Китая могут служить работы хабаровского художника Игоря Кравчука.

Интересен и феномен двенадцатигодичного животного цикла китайского календаря, который в последнее время приобрел широкую популярность в России. Дальневосточный поэт Леонид Соловьев широко использовал символику животного цикла китайского календаря в своем творчестве. Авторское семантическое наполнение традиционной символики не совпадает, однако, с китайской интерпретацией. Данное несоответствие вызывает особый художественный эффект.

Стилистическое влияние ближайшего соседа заметно в творчестве живописцев Дальнего Востока, например, в работах В. В. Кондратьева. Сфера его творческих интересов обширна: лубочная композиция, станковая и книжная графика, промышленный дизайн, собственно живопись. В своем творчестве он использует некоторые приемы, характерные для китайской живописи. Среди них можно назвать следующие: сложная многоплановая композиция, использование приема рассеянной перспективы, соединение нескольких точек зрения в одном листе, что вызывает ощущение иной, духовной реальности, отличной от чувственной. Это и обращение к символизму, проявляющееся в традиции изображения природы, где горы и воды – два определяющих элемента в китайском пейзаже, символизирующие два начала – Ян и Инь. Для китайской живописи характерна передача частного, конкретного не в его собственной ценности, а в его связи с всеобщим, универсальным. Например, в работе В. Кондратьева «Китайский дневник» присутствуют стилизованные элементы классического китайского пейзажа «шань-шуй» (горы и воды).

Интересен опыт Леонида Кильчанского, который в своем творчестве широко использует технику «го-хуа». В процессе расширения культурных связей – обмена специалистами, двусторонних встреч, проведения выставок и непосредственного общения с жителями Поднебесной – одни художники изучают и используют в своих работах символику и приемы китайских мастеров изобразительного искусства, другие делают упор на

выражение своих личных впечатлений от общения с другой культурой. Воспринимая ее сквозь призму своей, они создают образ Китая, раскрывают свое понимание его ментальности и тем самым способствуют более широкому пониманию другой культуры и четче осознают своеобразие собственной.

Фактор близкого соседства с Китаем оказывает заметное влияние на архитектуру городов Приамурья. Русские зодчие осваивают восточные приемы и знаковую символику. Например, возведенный в одном из микрорайонов г. Благовещенска парк «Дружба» выполнен в китайском стиле. Находящиеся на его территории архитектурные сооружения воздвигнуты с использованием «летающих» кровель с изогнутыми вверх консолями, имитацией системы «доу-гун» на павильонах, круглых арок, садовых беседок и других малых архитектурных форм, характерных для китайского традиционного паркового строительства.

В произведениях различных музыкальных направлений и жанров Китай предстает как особый мир. Музыкальный диалог между российской и китайской культурами приобретает многогранный характер, охватывая и авангардные направления, и молодежную музыкальную субкультуру. Исследователи обращают внимание на «эксперименты» со звуком в таких направлениях, как конкретная музыка и алеаторика. Созвучность менталитету традиционных культур Востока, в том числе и Китая, отчетливо реализуется в рок-стилистике.

Китайская тема актуальна среди модельеров Дальнего Востока. В современной женской одежде находят применение простые конструкции мужского китайского костюма. Полуприлегающий или прямой силуэт, асимметричная застежка на правую сторону и различные имитации запаха, воротник-стойка – во всем этом узнаваемы приметы китайского национального костюма³. Не только форма и конструкция деталей одежды подчеркивают национальный колорит, но и сама ткань, ее расцветка и декоративное оформление. Сотрудники кафедры дизайна Амурского государственного университета проводят работу по изучению составных частей традиционного китайского костюма в их эволюционном развитии. На основе китайского национального костюма как источника творчества ими, в частности, было изготовлено несколько коллекций (коллекция женской одежды по мотивам мужского китайского национального костюма, автор А. Ушакова, 1998 г.; коллекция женской нарядной одежды по

³ Санатова С. В., Гаврилюк Е. А. Использование элементов традиционного костюма в современной одежде // Вестн. АмГУ. Сер. ФПИ. Благовещенск, 1999. Вып. 7. С. 78, 79.

мотивам женского национального костюма, автор Ю. Казакова, 1999 г.; униформа для гостиничного комплекса «Золотой дракон», руководитель проекта С. А. Санатова, 2000 г., и ряд др.).

Зримо влияние Китая в сфере быта и повседневной культуры. Во многих домах приграничных областей Дальнего Востока можно видеть бытовую технику, декоративные вазы и веера, одеяла, детские игрушки и многое другое. Широкое распространение получило использование традиционных китайских элементов в декоре помещений: китайские календари, живописные свитки и т. п. встречаются во многих офисах и частных квартирах.

В домашних видеотеках многих семей найдутся фильмы китайских кинематографистов. Особое распространение получили произведения, где демонстрируются искусство владения восточными единоборствами и исторические ленты.

Близкое соседство и постоянство контактов двух народов сказываются и в развитии кулинарных традиций. Приготовление пищи в Китае считается подлинным искусством. В Китае распространен известный прием «смешивать настоящее в ложное», когда по вкусу блюда невозможно определить даже основной его состав. Многие традиционные блюда и кулинарные изделия имеют сложное значение, полнота восприятия которых и соблюдение должных этикетных норм требуют определенной культурной компетенции. К таковым относятся, например, юань сяо – круглые шарики из особого сорта риса со сладкой начинкой, или цзунцзы – треугольники, в которых рис с финиками завернут в бамбуковые листья. Эта еда, как и юань сяо, готовится один раз в году, что связано с обычаем общего поминовения поэта древности Цюй Юаня.

Конечно, заимствования элементов китайской кухни не затрагивают этих аспектов, однако и на формальном уровне происходит расширение понимания иной культуры. С начала 1990-х гг. прошлого века в пищу дальневосточников широко включается значительное количество новых продуктов. Среди них получили популярность стебли чеснока, пророщенные бобы сои, имбирный корень, древесный гриб (му эр), ли чжи и мн. др. Широко используются крахмальная лапша и соевый сыр (тофу). Наиболее популярными блюдами китайской кухни среди дальневосточников стали мясо в кисло-сладком соусе, хэй-хэйский салат, жаренный тофу с острым соусом и др.

Завершая анализ культурных процессов в пограничной с Китаем зоне, можно отметить, что они являются отражением своеобразного «эко-тонного эффекта». Содержание его заключается в том, что культурная

среда приграничных регионов отличается большим разнообразием. Это разнообразие создает условия обогащения региональной культуры новыми синкретичными формами. Таким образом, сама региональная культура, как сложившаяся в определенных пространственно-географических рамках и исторических условиях система, в целом приобретает значение пограничного образования, возникшего как результат взаимодействия и диалога культур.

Н. В. Ду

Уральский Федеральный университет

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА КИТАЯ

Фразеологизмы являются зеркалом души народа, в котором отражаются как специфические особенности ментальности, так и общие для разных народов черты. Общность фразеологии свидетельствует о том, что наши предки обладали духовной общностью, мировоззренческой близостью, идентичными картинами мира. Общность взглядов легко обнаружить, анализируя фразеологические обороты китайцев и русских. Обратимся к китайским фразеологизмам 成语.

В китайском языке существуют фразеологизмы, значение которых легко понять из суммы значений каждого компонента выражения. Например:

三言两语 – говорить в двух словах, вкратце.

十全十美 – превосходный, верх совершенства.

Однако существуют пословицы и поговорки, значения которых невыводимы из компонентов выражения, а для их понимания требуется знание истории, которая составила основу данного высказывания.

愚公移山 [yúgōng yí shān] – «Глупый старик, передвигающий горы».

Глупому старику 愚公, жившему в Северных Горах, было уже девяносто лет. Дом его стоял напротив двух очень больших гор, Тайхан и Вайву, которые загораживали дорогу к дому. Однажды он созвал всю свою семью и сказал: «Давайте попробуем передвинуть горы, закры-